

М.С. Комаров

Эдмунд Гуссерль о кризисе европейской науки

Э. Гуссерль – выдающийся австрийский философ, основоположник одного из ведущих направлений в западной философии – феноменологии, оказавшей значительное влияние на зарождение экзистенциализма, философское обоснование математики и логики. (1859-1938). Его произведения мало известны русскому читателю. До революции была опубликована одна его работа «Логические исследования». Он был «чистый философ», далекий от политических и экономических катаклизмов, его по преимуществу интересовала одна проблема – найти безупречные, ясные и однозначные основания философских и научных рассуждений, составляющих основу различных концепций европейской культуры.

Лишь сравнительно недавно часть его известных работ была опубликована в журналах и сборниках, главным образом в сборнике «Картезианские размышления», вышедшего в свет в 2000 году. Работы Э. Гуссерля – это настоящая академическая философия, написанная на строгом философском языке, имеющая оригинальный философский аппарат, свою особую логику мышления. Поэтому читать Э. Гуссерля весьма сложно, но по возможности делать это необходимо, т.к. в нашей литературе его философию ошибочно иногда сближают с герменевтикой, постпозитивисты нередко включают его в лагерь своих сторонников и т.д. Есть, конечно, кое-что общее в указанных течениях. Прежде всего, это критика науки, оценка ее состояния как кризисного. На этом сходство пожалуй и заканчивается, т.к. главная цель исследовательской деятельности Гуссерля – создания универсальной философии науки, имеющих всеобщее, необходимое и неоспоримое значение. Задача, которую поставил еще Р.Декарт, к творчеству которого он неоднократно обращался.

Увлечшись в юности математикой, он заканчивает Лейпцигский университет и несколько лет работает в Берлинском университете на кафедре знаменитого математика К. Вайрштрасса, но он отказывается от его предложения остаться продолжать работать вместе с ним. Его интересы изменяются, он решает получить философское образование и с этой целью поступает в Венский университет, где обучается под руководством известного философа Ф. Бретано, идеи которого оказали на него заметное влияние. После защиты диссертации он начинает свою философскую преподавательскую и научную деятельность, направив усилия на создание философии как «строгой науки». Опираясь на идею И. Канта, хотя в целом он шел совершенно иным путем в философии, чем неокантианцы, о том, что одной из главных задач философии должно быть обнаружение «аподаксических», безусловно необходимых и неоспоримых оснований, позволяющих философии стать «строгой» наукой и решать те великие цели, которые ставило перед ней человечество, он наряду с этим полагал, что философия должна быть беспредпосылочной универсальной наукой и, следовательно, теоретико-методологической основой всех наук, о чем еще мечтал Р. Декарт.

Постановка таких непростых задач диктовалась как кризисом в самой философии, отражавшимся в борьбе различных школ и направлений, таких как позитивизм, философия жизни, эмпириокритицизм, прагматизм и др., так и кризисом всей европейской науки, на которую человечество эпохи Ренессанса и Нового времени возлагало большие надежды. Вместо того, чтобы быть близкой и понятной человеку, наука пошла по другому пути: объективизации и натурализации окружающего мира, где реальному, живому человеку не нашлось места. Вместе с этими критическими, негативными тенденциями Э. Гуссерль признает и выдающиеся достижения европейской культуры.

Э. Гуссерля обычно считают одним из противников позитивизма, сторонники которого ратовали за внедрение в гуманитарные, социальные науки методов естественных наук, но при этом, как правило, содержательная сторона его критического анализа опускается из виду. Думаю, что одной из причин такого отношения к критике Э. Гуссерлем современной естественно-математической науки является сложность аргументаций австрийского философа. Он рассматривает в работе физические исследования по сути одного ученого, имя этого ученого хорошо известно – это выдающийся итальянский исследователь Г. Галилей, по праву считающийся основоположником теоретической, математизированной физики. Э. Гуссерль рассматривает не факты его биографии или известные эксперименты, а стремится выяснить те философские допущения, которые он использует, насколько они соответствуют требованиям аподактичности, т.е. всеобщности и необходимости.

Поэтому обращение к творчеству Галилея преследует несколько целей. Во-первых, выявить метафизические предпосылки, в первую очередь касающиеся пространства или точнее геометрии, на которых базировалась физика Галилея и которые он рассматривал как само собой разумеющиеся. Во-вторых, понятие длины, измерения и ряд других, необходимых для проведения экспериментов Г. Галилей так же брал в их наивной простоте и объективности. В таком случае, правомерно ли считать математизированное естествознание всеобщей и универсальной наукой – вот вопрос, которым занимается Э. Гуссерль. Понятно, что исследования Галилея рассматриваются австрийским философом как некая обобщенная модель теоретического познания, из которого в последствие вырастет мощное здание современной науки. Касаясь наук о духе, Э. Гуссерль отмечает непроясненность ее исходных предпосылок, в силу чего продолжается борьба различных школ и направлений. Он не принимает позитивистский идеал эмпири-

ческой науки, популярный в те годы среди многих ученых, ибо она далека от постановки и решения жизненно важных вопросов человеческого существования, человеческой культуры. А между тем гуманистические вопросы были выдвинуты еще в Эпоху Возрождения. «Коль скоро ныне все обстоит иначе, то возникает вопрос: Может ли наука претендовать на то, чтобы иметь такое же руководящее значение для Человечества, которое она имела, как мы знаем, для самого процесса преобразования? Почему же утрачено это руководящее значение? Почему же те важные изменения, которые произошли, привели к позитивистскому ограничению идеи науки? Все это должно быть понято в своих глубоких причинах и крайне важно для замысла этого доклада». (В основу статьи лег доклад, прочитанный Э. Гуссерлем на Международном философском конгрессе в Праге в 1938. Полностью эта работа опубликована лишь в 1954 году). [1. С. 549].

В силу тесной и неразрывной взаимосвязи философии и науки, которая сложилась в эпоху античности и окончательно окрепла в Новое время, то тем самым кризис философии совпадает с кризисом философии Нового времени, которая раскололась на несколько самостоятельных течений, каждое из которых преследовала свои цели. Это знаменовало начало кризиса новоевропейской философии, науки и культуры, что в конечном счете не позволило выработать идеал человечества. Формирование же подлинно гуманистических целей человеческого общества возможно лишь при существовании единой универсальной философии. Эту задачу частично осознал Р.Декарт, положивший немало усилий для создания единой философии и единой науки. Но рационализм XVIII века, по мнению Э. Гуссерля, был «наивным, ибо не имел четких и ясных целей познания и преобразования общества».

Увлечение идеализацией во всех зарождающихся эмпирических науках осуществлялось в первую очередь в геометрии, которая целиком была

заимствована из идей Евклидовой геометрии, рационального построения научного знания на аксиоматических фундаментальных понятиях и принципах, могущих быть развернутых в аподаксических (необходимых) следствиях, что вело к упрощенному пониманию пространства, всего окружающего мира. По сути дела в Новое время была выдвинута «идея рационального бесконечного универсума (в нашей философской литературе эту концепцию называют «механицизмом» - М.К.) вместе с идеей систематической, рациональной постигающей науки...» [1. С. 566] Но эта концепция как и бурно развивающейся формальной математики представляются весьма далекими от тех идеалов, которые были выдвинуты в эпох Античности и во времена Ренессанса, – философии как науки, определяющей пути гуманизации человека и общества.

Рассмотрение рационализма в первую очередь проявилось во формировании физической науки, в трудах Галилея, сумевшего математизировать физику, но вместе с тем превратившего природу в идеализированный рациональный универсум. Эта рациональная модель мира стала противопоставляться повседневному, донаучному сознанию природы. Какие же философские предпосылки легли в основу физики Галилея?

Важнейшим методом построения новой физики у Галилея выступает допущение о «чистой геометрии», – или положении о том, что в природе существуют идентичные сходные фигуры, тождественные по площади, высоте, ширине – отсюда возможность построения чистых геометрических форм, фигур и т.д. С этим же связано использование идеализированных объектов типа – идеальная прямая линия, поверхность и т.д. отсюда открывается возможность для «измерения» физических тел. Главный упрек со стороны Э. Гуссерля: «реальная практика», т.е. манипуляция с предметами подменяется Галилеем «идеальной практикой», т.е. действием с идеализируемыми предметами [1. С. 571]. Основная идея галилеевской фи-

зики – природа как математический универсум остается непроясненной, т.к. он не смог решить вопрос об исходной идеализирующей процедуре – аподактического характера математической очевидности. Эту задачу решил сам Э. Гуссерль в своих логических исследованиях, полагая, что в основе этой очевидности лежит свойство «чистого» сознания непосредственно усматривать «значение (смысл) предмета». По-видимому, в «наивном» истолковании чистой геометрии и математической абстракции, замечает Э. Гуссерль, лежала многовековая традиция рассматривать их как очевидные. Между тем как вся математика имеет дело с абстрактными или «чистыми» формами, идеальными, предельными состояниями, а человеческое сознание конкретизирует их, придавая им эмпирические формы. Так, использование математики в процессе измерения, подсказывает нам, что может быть достигнут «действительно созерцательный мир» в самих вещах. Хотя нельзя отрицать того факта, что использование математики в познавательном смысле создает картину мира, аппроксиматически приближающуюся к реальной. Это дает нам, казалось бы, возможность охватить реальные свойства объектов, быть инструментом практического преобразования мира.

Но, заявляет Э. Гуссерль, полнота нашего чувственного мира ни к какой мере не может сравниться с бесконечностью свойств и отношений, присущих реальной природе. Тем не менее, полученное знание придает нам уверенность в объективности существования как самого мира, так и полученных данных.

Другой вопрос, который оказался неразрешимым для Г. Галилея – это проблема математизируемости полноты качества вещей, как в силу их множественности, так и в силу геометрической неопределенности их границ.

В своих работах Э. Гуссерль поднимает одну важную проблему, привлекавшую внимание многих ученых различных дисциплин. Это знаменитая проблема «жизненного мира» (Lebenswelt) как конечного источника знаний, понятий, догадок, гипотез, теорий, в том числе и математического рода. Э. Гуссерль упрекает ученых в том, что они забыли о «жизненном мире» как о смысловом фундаменте естествознания. Под этим термином, который он не смог развернуть во всей полноте, понимается наш мир повседневности, повседневного жизненного опыта, устремлений, желаний, интересов человека. [1. С. 601]. Этот мир повседневности вначале Галилей, а затем и его последователи заменили миром идеальных сущностей.

Понятие жизненного мира важно для естественных наук и в другом отношении – он является источником всех наших ценностей, идеалов, значений, определяет смысл и назначение научного познания...

Отказ от жизненного мира начинается с Галилея. В геометрической и математической идеализации Галилей упустил из виду опыты ученых древности, которые, например, связывали геометрию с искусством землемеров, которые и не подумывали ни о каких идеальных сущностях. «Роковое упущение Галилея заключалось в том, что он не обратился к осмыслению изначальной смысловой процедуры, которая, будучи идеализацией всей почвы теоретической и практической жизни, утверждала его в качестве непосредственного чувственного мира, из которого проистекает мир геометрических идеальных фигур». [1. С. 601-602]. С самого своего возникновения, утверждает Э. Гуссерль, естествознание и связанная с ним геометрия, должна служить целям, которые заключены в этой жизни и должны быть соотнесены с жизненным миром. Человек, исследующий природу, может ставить все свои теоретические и практические вопросы, только находясь внутри этого мира, может относиться к нему лишь как к бесконечно открытому горизонту непознанного [1. С. 603]. Процесс позна-

ния можно сравнить с одеянием идей (символов) к миру, данному в нашей конкретной мирской действительности, в стремлении достигнуть предсказания еще не открытых в мире явлений и процессов. Это «одеяние идей» создает то, что мы принимаем за истинное бытие, которое на деле есть метод – с его помощью действительно опытные и опытно постигаемые внутри жизненного мира предсказания (вначале весьма «грубые») совершенствуются научным образом до бесконечности: покров идей приводит к тому, что подлинный смысл методов, форм, «теорий», остается непонятым, а при наивном объяснении метода никогда и не может быть понятным», [1. С. 605]. Галилей довел до совершенства и завершил процесс физикализации природы. Он был зачинателем и завершителем физикалистского понимания природы.

Э. Гуссерль убежден в том, что ничего принципиально нового не появилось и в современной науке в результате философской критики «классических закономерностей причинности», с позиции новой «атомной физики», ибо сохранилось главное – идея математизации природы.

Непроясненность смысла математических абстракций до сих пор остается одной из главных причин кризиса математизированного естествознания, утверждает Э. Гуссерль. Математики, те, кто использует эту дисциплину в исследовательских целях, прямо-таки убеждены, что человек обладает врожденными способностями восприятия пространственно-временных форм природы, наделяя их объективностью. А после математических манипуляций превращают природу в математически-рационализированный универсум, обладающий «аподиктической очевидностью», т.е. всеобщими и необходимыми законами и всеобщей значимостью. (Э. Гуссерль видимо имеет в виду сложившуюся со времен Платона, и утвердившуюся во времена Р. Декарта концепцию врожденных идей, к числу которых относились истины математики). Гуссерль же утверждает

обратное: мы не имеем природной очевидности математических истин и они, вероятно, требуют индуктивного обоснования, что в данном случае совершенно не достижимо, т.к. нельзя вывести истины из фактов опыта.

Также непроясненным остается отношение между «чистой» и «прикладной» математикой; можно обнаружить и множество других противоречий в структуре математического знания, если подходить к ним критически.

Другая проблема, оказавшая влияние на кризис европейской науки, связана с генезисом математического естествознания и состоит в том, что первоначальная связь науки с жизненным миром, потребностями и ценностями человеческого бытия в ходе эволюции математического естествознания постепенно отошла на задний план. Изначальный смысл используемых в математике методов и приемов познания античными учеными был утрачен и закреплен последующей традицией. Превратившись в техника, специалиста по исчислению формул математик оказался совершенно не способным к такого рода размышлениям о действительной связи науки и реальности.

Новое понимание природы способствовало расколу на два мира – духовный и материальный, хотя первая и не являлась самостоятельным объектом, таким образом естественно-научная рациональность имела своим следствием дуализм. Возникло как бы два мира природа-сама-по-себе и бытие-само-по-себе – психика. Бытие как духовное явление потребовало нового понимания в связи с тем, что идея бога осталась, но она уже не укладывалась в рамки рационального мышления. Это породило огромные трудности в исследовании человеческого разума, с которыми столкнулся И. Кант. Часть ученых (Дж. Локк) под влиянием физикализма пошли по пути натурализации психологии, которая сохранилась до сих пор.

Физико-математический рационализм Нового времени, признает Э. Гуссерль, привел к невиданному господству человека над природой. Новые идеалы рациональности и универсальности особенно продемонстрировали свой прогресс в математике и физике, открытия в других областях, т.к. астрономия. Может показаться, что математизированное естествознание привело к формированию совершенно новой «чудесной» модели физического мира и разных его частей. Но эвристическая ценность этого типа науки и философии поднимает очень много трудных вопросов, с которыми сталкивается и современное естествознание. В конечном счете это неизбежно должно привести к реформированию философско-теоретических основ науки.

К идее кризиса науки и культуры современности Э. Гуссерль возвращался неоднократно в своих произведениях, полагая, что ошибочные философские основания науки, физикализация природы несмотря на свои громадные достижения не в состоянии решить центральной научной проблемы – определить ценности человеческого существования, цели и пути развития человечества. Эти вопросы заняли центральное место в философских работах экзистенциалистов (Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Ингартен и др. – почти все они являлись учениками Э. Гуссерля), а так же в работах по социальной феноменологии А. Шюца.

Читателю интересно будет узнать, каким образом сам Э. Гуссерль представлял возможность построения всеобщей и универсальной философии на принципах разработанной им феноменологии. Это, пожалуй, самая трудная часть его концепции, недаром же ученики и последователи ученого пошли по пути упрощения многих его философских принципов.

Философия понимается Э. Гуссерлем как теория познания, которую он назвал феноменологией. Ее главная задача нахождение всеобщих (аподаксических или необходимых оснований) любого познания, если оно пре-

тендует на статус всеобщности и истинности. Не трудно догадаться, что речь идет в первую очередь о философских основаниях существующей науки и самой философии. В истории философии уже неоднократно предпринимались такого рода попытки – Платон, Р. Декарт, И. Кант, но все они несмотря на грандиозность замысла и попытку построить систему строгих философско-логических понятий, не выдерживали критики временем.

Гуссерль в духе рафинированного идеализма считает, что предметом изучения философии как феноменологической науки должны быть феномены сознания, а отнюдь не реальности. Он, кстати, не признавал экспериментальную, эмпирическую психологию, а разрабатывал свой вариант психологии сознания. Феномен сознания – это не примитивное отражение в сознании образа какого-либо наблюдаемого предмета, а лишь только смысл, значение данного предмета, который достигается по средством интенциональности. Последний термин, заимствованный им у своего учителя Ф. Brentano, означает, что наше сознание по природе своей устроено так, что оно всегда направлено на какой-либо объект и способно схватывать его сущность (значение). И лишь таким образом объект становится предметом исследования явлений сознания. Стало быть, феноменологическое сознание является предметом философии, интенциональные акты, которые и дают возможность познать сущность в ее истинном значении. Это многообразие актов упорядочивается во внутреннем времени субъекта. В работе «Логические исследования», где Э. Гуссерль впервые намечает область феноменологических исследований как структур «чистого сознания», методология познавательного процесса еще только обозначается, т.к. Гуссерль ставит вопрос конструирования интенциональных объектов во внутреннем мире субъекта, где они следуют один за другим.

Центральным понятием зрелой философии Э. Гуссерля является понятие феноменологической редукции или феноменологической установки,

которая призвана была расчистить поле для подлинной реальной интуиции, независимой как от обыденного познания, так и от научного. Феноменологическая редукция заключается в том, что автор (познающий субъект) должен «взять в скобки», выбросить из сферы сознания все наличествующее в нем знание: то, которому учили, которое почерпнуто из других книг или заимствовано у других ученых и т.п. В сознании еще остается «эго» – собственное я, но оно по мысли Гуссерля обладает чертами трансцендентального субъекта и не входит в область чистого сознания. Не трудно заметить, что феноменологическая редукция близка радикальному декартовскому сомнению, да и сам австрийский ученый этого не отвергал, считая Р. Декарта одним из выдающихся ученых, осознававших проблему аподиктического познания и выдвинувший задачу построения всеобщей универсальной философии на рациональных основаниях. Однако Э. Гуссерль подчеркивал и свое отличие от французского ученого, который не сумел так тщательно и глубоко разработать эйдетическую теорию познания.

Философия, основанная на феноменологической установке, а не на естественной (натуральной), объективирующей мир, может претендовать на статус «философии как строгой науки», универсальной, беспредпосылочной и автономной. Ее истинное признание как «строгой философии» – выявлять конечную сущность (смысл и значение) вещей, в этом смысле она несомненно целиком субъективна, но вместе с тем способна решить главные задачи философии – обнаруживать необходимые и всеобщие основания человеческого знания, и не только научного, но и любого другого. Она имеет непосредственное отношение к наличествующей человеческой культуре, т.к. выявляет смысловой фундамент человеческого знания. Кроме того, феноменологическое объяснение процесса научного познания позволяет выявить истоки кризиса научного знания. Поэтому науку следует переориентировать. Наука должна быть не объективной, а субъективной,

соразмерять свои понятия и факты с субъективным смыслом человеческого бытия, о чем уже говорили ранее.

Любой непредвзятый читатель может не согласиться с таким заключением, ибо сила науки, ее эффективность как раз и базируются на объективном рассмотрении вещей. Это действительно так. Но нельзя вместе с тем не видеть заслуги Гуссерля в том, что он сделал огромный шаг вперед в понимании рациональной интуиции, без которой не обходится ни одна наука. Его решение проблемы аподиктичности и всеобщности человеческого знания в принципе формально является верным, но он мало результативно, хотя нельзя отрицать правомерности этого подхода в социальных и гуманитарных областях, где предметность явлений отсутствует. Поэтому не удивительно, что возникновение в 1970-е годы «феноменологической социологии», объявившей о революции в общественных науках и о необходимости радикального пересмотра всего корпуса социологического знания. [2. С. 205]. Несомненной заслугой Э. Гуссерля является то, что его феноменологическая философия сумела дать определенный философско-теоретический фундамент ряду общественных дисциплин: кроме социологии, это истории, эстетика и др.

Вместе с тем следует предостеречь от поверхностного понимания философии Э. Гуссерля. Например, будучи убежденным рационалистом, он не отрицал эмпирического знания, но не принимал его крайностей. Его философия как «строгая наука» является (или ее отдельные положения) идейной основой герменевтики в отдельных ее вариантах, а не наоборот, как иногда ошибочно пишут. Феноменология и герменевтика – это совершенно разные дисциплины. В своем широком толковании эта философия может служить для строгого обоснования многих философских, психологических и социологических концепций, которые исходят из субъективных принципов. Вероятно, по этой причине философы различных направлений

до сегодняшнего дня обращаются к идеям феноменологии Э. Гуссерля и продолжают изучать его творчество.

Особенно плодотворной оказалась гуссерлевская идея жизненного мира – понятие, которое стало хрестоматийным. Если в социально-гуманитарных науках оно давно приняло характер догмы, то следует отметить, что и многие выдающиеся естествоиспытатели вынуждены признавать эвристическую ценность данного понятия для наук о природе.

Литература:

1. Кризис западноевропейской науки. В кн. «Декартовские размышления». – М., 2000.
2. Феноменология и феноменологическая философия. – М., 2002.